

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА РЫДЗЕВСКАЯ*

Елена Александровна Рыдзевская родилась 10 января 1890 г. в семье военного инженера генерал-майора А. Н. Рыдзевского. Отец вскоре вышел в отставку и посвящал все время семье и воспитанию единственной дочери. Девочка получила среднее образование в частной гимназии Л. С. Таганцевой. В дополнение к гимназическому курсу она много занималась дома. В частности, обучалась не только «новым» языкам — немецкому и французскому, — которые входили в программу передовых женских учебных заведений, но и менее популярному английскому языку. Языки ей давались легко. Е. А. Рыдзевская признавалась, что, еще учась в гимназии, решила посвятить себя научным занятиям и наметила как будущую специальность русскую историю (ее древнейший период)¹. Для реализации этой программы было необходимо знание языков народов, соседствовавших с Русью, и Елена Александровна стала учить шведский, норвежский и датский языки.

Успешно окончив гимназию, в 1907 г. она поступила в Женский педагогический институт на словесно-историческое отделение. Учебная программа в институте была рассчитана на 4,5 года, причем, первые восемь семестров отводились на изучение специальных и психолого-педагогических дисциплин, а последний, девятый семестр, посвящался педагогической практике в гимназии. Е. А. Рыдзевская твердо знала, что не будет преподавателем, и все свое внимание сосредоточила на истории, языках и литературе. Уже в 1909 г. она начала изучать скандинавско-русские отношения, древнесеверный язык и саги. Ее наставниками были замечательные специалисты — историк Сергей Федорович Платонов и филолог Федор Александрович Браун. Ф. А. Брауна отличал широкий круг интересов, занимался он и изучением скандинавских саг. Обратившись к северной ареологии, Е. А. Рыдзевская занималась в Эрмитаже под руководством академика Я. И. Смирнова, познакомилась с А. А. Спицыным, стала регулярно посещать заседания Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Первыми ее научными публикациями стали две статьи — сообщения об археологических кладах из коллекции Эрмитажа² и изложение переведенной ею статьи копенгагенского ученого К. Йогансена³.

Когда теоретический курс института был завершен, Е. А. Рыдзевская, отказавшись от прохождения педагогической практики (и таким образом, оставшись без диплома об окончании института!), продолжила самообразование. Она в 1912 г. предприняла длительную поездку по Европе, во время которой изучала археологические материалы в музеях Стокгольма, Осло и Бергена и принимала участие в работе Археологического съезда в Стокгольме. Елена Александровна занималась под руководством таких специалистов, как скандинавские археологи Т. И. Арне, О. Альмгрен, Ё. Гальмстрём. Через два года она путешествовала по Германии и Италии и занималась в музеях Венеции и Флоренции⁴. Итальянские древности не отвлекли молодого историка от выбранной научной темы, и

* Продолжаем публикацию биографических статей о выпускниках Женского педагогического института. Начало см.: Вестник Герценовского университета. 2009. № 2, 5.

Е. А. Рыдзевская продолжала изучение русско-скандинавских взаимоотношений, взаимовлияния культур и языков. Большую помощь ей оказывал А. А. Шахматов. В сравнительно узком кругу специалистов историков и археологов Елена Александровна зарекомендовала себя как серьезный, знающий специалист.

В 1917 г. жизнь Е. А. Рыдзевской коренным образом изменилась: она перестала получать пенсию за умершего еще в 1907 г. отца (сумма, дававшая возможность не заботиться о зарплате и полностью отдаваться научным занятиям), а в 1918 г. похоронила мать. Елена Александровна осталась совсем одна и без средств. Пришлось оставить науку. Она устроилась переводчиком в Петроградское телеграфное агентство, но после переезда агентства в Москву, несколько месяцев работала сдельно по разборке и перевозке библиотек, а летом 1918 г. поступила на канцелярскую работу в медицинский отдел Наркомпроса⁵.

Весной 1919 г., наконец, удалось вернуться к любимой науке. Ее пригласили в Эрмитаж в отдел археологии, где 6 мая избрали научным сотрудником, а с 26 июня — помощником хранителя отделения русских древностей⁶. Осенью того же года ее пригласили работать в Российскую академию истории материальной культуры (РАИМК) — наследницу Императорской Археологической комиссии. Е. А. Рыдзевская была избрана научным сотрудником I категории⁷. Однако вскоре ей пришлось опять отойти на время от научной работы. Прося об увольнении, она объясняла причину этого своего шага: «Я вынуждена уехать по состоянию моего здоровья [которое сильно пошатнулось от голода. — *Е. Г.*], не имея возможности существовать в провинции без работы, я принуждена поступить на службу (на постройку железнодорожной линии Петербург — Рыбинск)»⁸. Она надеялась, что по возвращении в Петроград, она сможет возобновить работу в РАИМК. И когда через два года Елена Александровна вернулась, то ее обращение в правление Академии поддержал ее бывший руководитель Н. П. Сычев, давший высокую оценку ее работе: «В бытность в Академии Е. А. Рыдзевская зарекомендовала себя превосходной и высоко подготовленной научной работницей. <...> Работы Е. А. Рыдзевской, освещающие один из самых темных вопросов начальной русской истории, полны живого научного интереса»⁹. Но ее не восстановили ни в РАИМК, ни в Эрмитаже¹⁰.

Следующие восемь лет Елена Александровна работала в Библиотеке Академии наук, где занималась разборкой и инвентаризацией поступающих иностранных журналов, систематизацией каталогов иностранных издательств и антикварных фирм; привлекалась к каталогизации редкостей из кабинета инкунабул и проч.¹¹ Во время «чистки библиотеки» 1929–1930 гг. она была переведена из библиотекаршей в помощника библиотекаря¹², но так и не вступила в новую должность, поскольку 26 октября 1930 г. была арестована по «Академическому делу». Мы не знаем, каковы были обвинения, предъявленные Е. А. Рыдзевской, но ее дворянское происхождение, знакомство и сотрудничество со многими проходившими по этому печально известному делу учеными-гуманитариями могли стать реальным поводом привлечения ее к следствию. Проведя полгода в ДПЗ, Елена Александровна вышла с подпиской о невыезде. Из библиотеки ее уволили, и она снова оказалась безработной.

Еще в 1919 г. Е. А. Рыдзевская начала заниматься переводами для получения дополнительного заработка. Но хотя заказы поступали самые разные (вплоть до техники и точных наук), они чаще всего были далеки от ее интересов, и, как признавала сама Елена Александровна, ее научная работа оказалась весьма запущена¹³. Теперь, в 1931 г., она решила перейти на договорную работу — брать переводческие и научно-исследовательские заказы в академических и научных учреждениях, таких как Институт истории, Институт антропологии и этнографии, Академия истории материальной культуры.

Регулярно появлявшиеся в 1930-е гг. статьи Е. Н. Рыдзевской¹⁴ свидетельствуют о напряженной научной работе историка. Не имея семьи, ведя аскетический образ жизни, сведя до минимума хозяйственные заботы, она полностью отдавалась любимому делу.

Изучение данных о матриархате у древних скандинавских народов в середине 1930-х гг. имело особый научный и политический интерес. Наука нацистской Германии отрицала наличие матриархата в быту скандинавов как представителей «чистой» и «высшей» северной расы. План работы Института антропологии и этнографии АН СССР предусматривал ряд работ по изучению вопроса с позиций советской науки. Одним из таких политически важных исследований был и труд Е. А. Рыдзевской по теме «Пережитки матриархата у древних скандинавов».

Представление об этой работе дает заявление Елены Александровны директору ИАЭ от 21 октября 1935 г., в котором она просила продлить срок подготовки статьи на полгода и объясняла: «Основанием для этого является превзошедшая мои ожидания сложность работы; для нее оказались необходимы весьма детальные и кропотливые изыскания... Данная тема до сих пор была затронута [в научной литературе. — Е. Г.] очень мало. Такие факты как родство по материнской линии, значение авункулата* и т. д. зачастую можно выяснить лишь косвенным путем, уточняя неопределенные слова текста о родстве между действующими в саге лицами посредством справок не только по данной саге, но и целому ряду других, где говорится о тех же лицах или о их ближайших предках и потомках. Между тем неопределенно указываемое родство зачастую оказывается именно таким, какое нас интересует с точки зрения пережитков матриархата... Несмотря на то, что работа неизбежно разбивается таким образом на множество мелочных исследований, к числу которых относятся и составление генеалогий, отнимающее немало времени в общем ходе работы, результаты, как мне представляется, уже намечаются вполне четко и не оставляют сомнений в наличии матриархального субстрата в жизни и быте скандинавского Севера эпохи викингов. До сих пор мною проработано около половины саг исторического характера, описывающих эту эпоху; за ними ближайшим образом следуют менее многочисленные, касающиеся XII–XIII вв., где можно проследить дальнейшую судьбу интересующих нас пережитков. Со своей стороны считаю необходимым просмотр всей обширной древнесеверной литературы во всем ее объеме, без пропусков и составление соответственной сводки на основании всех источников...»¹⁵ Скрупулезность и настойчивость исследователя при работе с такими источниками, как древние саги, поражают воображение, если вспомнить, что одна лишь сага о Ньяме (изд. 1908 г.) насчитывает более 400 страниц, а некоторые своды саг занимают два-три тома.

Помимо научно-исследовательской работы Елена Александровна занималась переводами, аннотированием библиографических указателей на иностранных языках. Дома она вела особую картотеку, в которой систематизировала социальные термины, географические и этнические названия, библиографию по русской и скандинавской археологии. Ее научный архив охватывал не только скандинавские источники, но также и древнерусские летописи и письменные памятники, западноевропейские материалы, касающиеся Древней Руси (например, по русско-ганзейским отношениям)¹⁶. Е. А. Рыдзевская помогала и другим исследователям, попутно с собственными изысканиями собирая сведения по нумизматике для Н. П. Бауэра, упоминания о петухах в Эдде для Л. А. Мацулевича и др.¹⁷

Елена Александровна Рыдзевская, по мнению И. П. Шаскольского, была крупнейшим в СССР знатоком древней скандинавской истории¹⁸, обладающим огромной эрудицией, и очень требовательным и добросовестным исследователем. Она сама дала себе очень точную характеристику: «Я — скандинавистка, вышедшая из русской истории как исходной точки и тесно связанная с нею». Ее не могло не задеть замечание, брошенное одним из коллег-историков: «Все эти ваши саги как исторический источник никуда не годятся — не пишут же историю по былинам!»¹⁹ Е. А. Рыдзевская считала несправедливым и бесполез-

* Авункулат — обычай, устанавливающий особые отношения между дядей с материнской стороны и племянниками.

ным, чтобы вся древняя культура и история скандинавских стран были выброшены из современного научного обихода, а также и всякие попытки разработки этой области науки.

В 1939 г. Е. А. Рыздзевская была принята старшим научным сотрудником в Институт истории материальной культуры, вернувшись туда, где работала двадцать лет назад. Ее научно-исследовательские планы включали такие не изученные ни в России, ни зарубежом источники, как Сага об Эстмунде и единственную дошедшую до нас шведскую Guta Saga — литературный уникум, содержащий интересные данные о Руси; историком был задуман ряд статей о культуре и жизни викингов, скандинавских общин, их отношений с Русью и проч.²⁰ Война помешала исполнению этих планов.

Е. А. Рыздзевская в осажденном Ленинграде оказывала посильную помощь фронту, изготавливая теплые вещи для защитников города. Но ее физических сил не хватило на сопротивление голоду и холоду первой блокадной зимы. Она умерла от истощения 8 декабря 1941 г.²¹, оставив незаконченные исследования и переводы...

Примечания

1. ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 213. Л. 2.
2. *Рыздзевская Е. А.* 1) Тверской клад 1906 года // Записки отделения русской и славянской археологии РАО. 1915. Т. XI. С. 9–21 (без указания автора); 2) Клады старых серебряных шейных гривен западного типа // Там же. С. 191–196.
3. *Рыздзевская Е. А.* Клад серебряных вещей из Терслева // Записки отделения русской и славянской археологии РАО. 1915. Т. XI. С. 210–221.
4. РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. Д. 577. Л. 2.
5. РА ИИМК. Ф. 35. Оп. 5. Д. 266. Л. 4.
6. Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 742. Л. 6, 7.
7. РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. Д. 577. Л. 1.
8. РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. Д. 577. Л. 6.
9. РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. Д. 577. Л. 5.
10. Однако в 1926–1930 гг. Е. А. Рыздзевская состояла сверхштатным сотрудником Русско-Византийской комиссии (в подкомиссии по изучению экономических и торговых связей Древней Руси с Востоком и Византией). — Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 742. Л. б/н.
11. ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1745. Л. 20.
12. ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1745. Л. 16.
13. РА ИИМК. Ф. 35. Оп. 5. Д. 266. Л. 4.
14. К летописному сказанию о походе Руси на Царьград в 907 году // Известия АН СССР. Л., 1932. Сер. VII. № 6. С. 471–479; Библиографическая заметка о современной шведской исторической науке // Исторический сборник. Л., 1934. Т. 3. С. 371–386; К варяжскому вопросу // Известия АН СССР. Л., 1934. Сер. VII. № 7–8. С. 485–532, 609–630; Новый список проекта договора Новгорода с Любеком и Готландом 1269 г. // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 5–6. С. 118–127; Легенда о князе Владимире в саге об Олафе Трюггвасоне // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1935. Т. II. С. 5–20; Слово «смерд» в топонимике // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1936. Кн. II. Т. XVII. С. 5–16; Литература по вопросу о пережитках тотемизма у древних германцев // Советская этнография. 1936. № 3. С. 121–127; О пережитках матриархата у скандинавов по данным древнесеверной литературы // Советская этнография. 1937. № 2–3. С. 15–44; Некоторые данные по истории земледелия в Норвегии и в Исландии в IX–XIII вв. // Исторический архив. 1940. Т. III. С. 3–70 и др.
15. ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 213. Л. 17–18об.
16. РА ИИМК. Ф. 35. Оп. 5. Д. 266. Л. 7об.–8об.
17. *Свердлов М. Б.* От составителя // Рыздзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (материалы и исследования). М., 1978. С. 16.
18. *Шаскольский И. П.* От редактора // Рыздзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия... С. 5.
19. РА ИИМК. Ф. 35. Оп. 5. Д. 266. Л. 10об.
20. РА ИИМК. Ф. 35. Оп. 5. Д. 266. Л. 7–7об.
21. *Анохин Г. И.* Вклад Е. А. Рыздзевской в советскую скандинавистику // Скандинавский сборник. Т. XV. Таллин, 1970. С. 184.